

Вадим Слуцкий

---

*Гори —
и не сгорай*

Рассказы о первой любви

Вадим Слуцкий
Гори – и не сгорай.
Рассказы о первой любви

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24309918

ISBN 9785448527272

Аннотация

В сборник вошли рассказы, объединённые одной темой: все они – о первой любви. Хотя герои первого рассказа – десятилетние дети, а последнего – пожилые люди.

Содержание

Первая любовь	5
Дерьмовочка	12
«Happy birthday, блин, to you!»	25
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Гори – и не сгорай

Рассказы о первой любви

Вадим Слуцкий

© Вадим Слуцкий, 2018

ISBN 978-5-4485-2727-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Первая любовь

– Слышь, Красавина, дай линейку!

Степа Угольков, маленький тощенький разлохмаченный мальчишка, повернулся и ожидающе посмотрел на Алину Красавину. Она загадочно улыбалась, глядя на него. И ничего не отвечала.

– Красавина, слышь, чего говорю: дай линейку! – повторил он, но

как-то менее уверенно.

Она по-прежнему улыбалась улыбкой Джоконды.

Степа перестал видеть ее лицо: вместо него было какое-то сияние. Что за мура? Сколько раз он просил у этой девчонки линейку. Не будешь же каждый день все в школу таскать: учебники, тетрадки, линейки, ручки, карандаши, точилки, резинки. А у нее всегда все есть. И сидит удобно: прямо за спиной. Девчонка как девчонка, как все девчонки. Ну, учится клево.

Он смущенно опустил глаза. Заметил под тетрадкой линейку, схватил ее, развернулся назад, к своей парте, хотел было провести поля. Ольга Александровна всегда ругается: «Почему у тебя вечно тетради без полей?!» Но перед глазами стояло ЕЕ лицо, таинственное, прекрасное, сияющее. Такое далекое и недоступное. И куда-то зовущее. И почему-то неудержимо притягивающее, как магнит.

Он снова быстро повернулся, мельком взглянул на БОЖЕСТВО, бросил на парту линейку, для чего-то схватил ее ручку, опять резко развернулся назад.

Ольга Александровна в это время говорила:

– Согласные звуки Ч и Щ в русском языке всегда мягкие... Что это значит? В слове «чаща» мы пишем после Ч и Щ букву «а», а не «я». Но все равно слышится «чяща». Почему? Потому что Ч и Щ мягкие. Даже если их не смягчать, они все равно слышатся

мягко... Алина, ты что хотела спросить?

Алина уже с минуту держала поднятую руку.

Оль-Санна, а Угольков у меня ручку забрал!

Учительница тяжело вздохнула.

А тебе сейчас ручка зачем? Мы же ничего не пишем...

А пусть он отдаст!

Степа, верни ей ручку.

Степа быстро, не глядя, бросил ручку назад. Она упала на пол.

– Оль-Санна, а он на пол бросил. Скажите ему, пусть подымет.

Ольга Александровна с искренним недоумением воззрилась на своего ученика:

– Да что с тобой сегодня? Ты никогда так себя не вел. Подними сейчас же ручку! Ну, я кому говорю...

Степа молчал, глядя в сторону. Наконец, Алина сама величественно встала, медленно подняла ручку и, гордо улы-

баясь, уселась на место.

Ольга Александровна снова взялась было за всегда твердые и всегда мягкие шипящие звуки и буквы, но через минуту послышалось:

Оль-Санна, а скажите Уголькову: пусть он отвернется!

Еще через полминуты:

Оль-Санна, а скажите Степе: он у меня зеркальце забрал!

И наконец:

А Угольков за волосы дергается!

Тут Ольга Александровна прямо остолбенела.

– Боже мой, Степа! Да что это с тобой?! Ты не заболел?

У НЕЕ глаза бирюзового цвета. А иногда они кажутся зелеными, как крыжовник. У кого еще такие глаза? А ресницы У НЕЁ длинные-длинные, и они взмахивают, как крылья бабочки. Разве у людей бывают такие ресницы? Маленькие ушки, как раковинки. И в ушках – крошечные блестящие сережки. Как звездочки. А когда ОНА улыбается, то на щеках у нее ямочки.

Этого всего он раньше не замечал... Ну и что такого? Просто глупая девчонка... Нет, она не глупая, она хорошо учится. Вся в пятерках. Ну и что? А мне-то какое дело? Плевать на эту девчонку! Да и на всех девчонок!

А все-таки не мешало бы ее проучить. Чего она ябедничает? И тогда можно будет ее снова увидеть! Идти за ней! Смотреть на нее!.. Да нет, чего на нее смотреть? Сто раз видели. Просто надо с ней рассчитаться!

Диман!.. А, Димка?

Ну?

Подкараулим сегодня девчонок?

Это каких?

Ну тех... Которые за задней партой...

Красавину, что ли? На кой она тебе? Еще нажалуется...

Боишься?

Чего боюсь?!

Мы их листьями засыпем... Там, знаешь, какая куча!

Димка почесал ручкой в затылке.

Ну, давай... Все равно не фиг делать до вечера...

Прошли две недели. До начала уроков, в классе, Ольга Александровна спрашивала девочек:

– Ну, как вчера? Опять воевали?

Ой, Оль-Сания, вы не представляете! Они шишек набрали и в нее стали кидаться. Прямо целый воз шишек... Целый день, наверно, собирали...

Ну, а вы?

А мы подбирали с земли и в них бросали...

И кто кого?

Мы их! Они еще как от нас убегали!

Вы что же, все там были?

Все-все! Мы теперь Алину всем классом домой провожаем!

О, Господи, царица небесная! – вырвалось у Ольги Александровны.

После уроков Ольга Александровна зашла к «англичанке» Сусанне Ричардовне, невероятно высокой и невероятно худой, похожей на червяка в очках.

– Как у вас Угольков?

Сусанна Ричардовна отшатнулась, будто на нее пистолет наставили, приложила ладони к вискам:

Это какой-то кошмар!!

А что, Алина Красавина в вашей группе?

Увы!

А вы ей не предлагали перейти в другую группу?

Еще бы! Сто раз!

И что?

Не хочет!

Да вы что, неужели не хочет?

Ни в какую. Она еще упрямее, чем он... Аж зафыркала, когда я ей сказала, – как кошка прямо!

Учительницы задумались. Лица у обеих становились все суровее, все решительнее. Наконец, Ольга Александровна произнесла:

Значит, будем принимать меры!

И, пожалуйста, поскорее: просто уже нет сил терпеть!

Зима. Все в снегу. Посмотришь на небо – и кажется, что и оно засыпано белой крупой. От снега в школе как-то особенно светло, и учителя почти не включают свет.

После уроков в коридоре первого этажа на одной из дверей появилась грозная бумажка: «Тихо! Идет товарищеский

суд!» Из-за двери иногда слышался грозный шум, а иногда стихало и звучал только один звенящий голос.

Потом дверь открылась. Вышли директор, три завуча. Потом несколько пап и мам. За ними показались бледные родители Степы и, наконец, он сам, нахохленный, возбужденный, красный, как рак, и одновременно унылый.

Последней вышла Ольга Александровна. Закрыла дверь, повернулась к Степе:

Ну, теперь ты все понял? Надеюсь, что понял...

Она потрепала его по голове.

Иди домой. И больше так никогда не делай!

Еще через два часа Степа одиноко стоял во дворе школы. Рядом с ним на скамейке – с десятков заготовленных снежков. Он ждал: у Алины был танцевальный кружок. Прихлопывал ладонями без перчаток, топал ногами. Но с места не двигался.

Ждать на этот раз пришлось недолго: всего час. В вестибюле школы зажегся свет: из этого света вышли Алина и Ира, ее подруга. Но он не видел Иру, он видел только ЕЕ.

Она сделала вид, что не замечает ЕГО. Когда они прошли мимо, он, не помня себя от радости, прицелился и запустил ей вслед снежком. Он бросал снежки лучше всех в классе, но на этот раз рука его дрогнула: комок снега, вместо того, чтобы попасть ей в спину, угодил пониже.

Степа испугался: вдруг она рассердится! Но она величественно обернулась и тоном злой старушки из очереди про-

шипела:

– Угольков! Я завтра все твоей маме расскажу!

Вздернула нос и пошла дальше.

Она уходила. Он смотрел ей вслед, раскрыв рот и глаза, будто видел какое-то чудо. А она улыбалась. Оба были на седьмом небе от счастья.

Прошло сорок лет.

У Степана Евгеньевича были неприятности. Болела печень. Пришлось уйти на другую работу, потеряв в зарплате. Жизнь не складывалась. А ему уже пятьдесят!

Как-то он случайно оказался возле своей старой школы: просто проезжал мимо. Вышел из машины. Зашел во двор.

Как странно: все по-прежнему. Будто не было всех этих лет. И даже скамейка. И сугробы под окнами, как раньше.

Вот здесь он всегда встречал эту девочку, Алину.

Степан Евгеньевич вспомнил, как запустил в нее снежком, попал в мягкое место и испугался. Улыбаясь, сел на скамейку, посидел, встал.

Нет, все-таки хорошо жить на свете! Он засмеялся сам над собой, потом вздохнул и тихо счастливо улыбнулся.

И весь этот день у него на душе было легко, радостно и спокойно.

Дерьмовочка

В детстве я дружил с девочкой по имени Таня. Вернее, не дружил, а был в нее чуть-чуть влюблен. То есть, если честно, не чуть-чуть, а даже очень сильно. У нас это называлось «втюриться».

Было мне 9 лет. И ей тоже. Мы учились в одном классе. И жили в одном дворе.

Таня была светленькая-светленькая: волосы белые, как тополиный пух. Она всегда бегала вприпрыжку, легко и воздушно, будто сейчас взлетит. И всегда улыбалась. Во дворе, в школе – постоянно с улыбкой.

А я был очень вдумчивый углубленный в себя философ-пессимист. И мне казалась эта девочка каким-то чудом. Всегда улыбается! Всегда в хорошем настроении. Такая хорошенькая, розовая, легкая, светлая – как солнечный лучик.

Влюбленность всегда начинается с разглядывания. Если я видел Таню во дворе, то уже не мог оторвать глаз. Сажу за столом, уроки не сделаны, а я не могу ни на чем сосредоточиться, потому в окно виден весь наш двор, а по двору летает, как пушинка, Таня. Что в ней было такого особенного, я и сейчас не знаю, но делать я ничего уже не мог: все смотрел и смотрел – буквально часами.

По-моему, все девочки точно чувствуют, когда они кому-то нравятся. И им это доставляет удовольствие. Таня зна-

ла, что кое-кому она нравится. И умела этим пользоваться.

Если в какой-нибудь игре обязательно требовался мальчик, например, на роль Папы, или Доктора, или Продавца, то она всегда звала меня. Потому что догадывалась, что я не смогу ей отказать, так мне кажется. И я действительно никогда не отказывался.

Хотя и не любил с ней играть, потому что ужасно стеснялся. Стеснялся смотреть на нее, когда она была близко; стеснялся прикасаться к ней – а это в игре иногда требовалось. В общем, для меня это была пытка. Для нее – как будто так и надо.

Она не называла меня по имени, никогда со мной не здоровалась. Но ей все-таки было приятно, что она мне нравится, – в этом я уверен. А я, как настоящий рыцарь, не рассчитывал на большее. Я готов был умереть у ног своей белокурой Дульсинеи.

Наш дом – на горе, рядом лес и речка. На крутом склоне зимой толкутся девчонки и мальчишки со всего района: тут ледяная горка. Огромная, в полкилометра. Некоторые родители не пускают сюда своих детей: боятся. Я любил ходить на горку, но сам съезжал редко. Мне больше нравилось стоять рядом и смотреть.

В тот день я заметил на горке Таню. И сразу перестал кататься. Спрятался за ствол большой сосны. А она все скатывалась и скатывалась вниз. Сейчас я бы подумал: ну и здоро-

венная девчонка! Хоть бы устала! А тогда мне это казалось естественным.

Наверное, Таню я тогда не считал таким же человеком, как все. Она мне казалась каким-то особым существом: вроде эльфа или сильфа.

Но даже с эльфами случаются катастрофы. В очередной раз съехав с горки, Таня налетела на какого-то здоровенного бугая. Бугай стоял на коленках, внизу, у самого спуска, и ржал, как лошадь. Рядом валялись его санки, сделанные из гнутых металлических труб: такие и слона выдержат. Таня на своей ледянке сначала врезалась в широкую, как бульдозер, спину бугая, а потом ударилась о его санки. И заплакала.

Вообще-то девчонки часто плачут. Но Таня никогда не плачет, во всяком случае, я ни раньше, ни потом ни разу не видел, чтобы она плакала.

Не знаю, как это получилось: вдруг я оказался возле нее. Неожиданно для себя. Ноги сами принесли.

Сначала просто стоял рядом как истукан. Она меня заметила, но посмотрела со злостью, как будто это я во всем виноват. Стала вставать – и не может. Опять села и зарыдала еще громче.

Всю эту сцену я помню так, как будто это кадры из фильма: как будто я это видел со стороны. Вот я нагибаюсь, помогаю ей встать. Я ужасно стесняюсь, ведь приходится ее трогать, брать ее за руки. Ничего не соображаю. Вот мы идем домой, карабкаемся наверх. У горки полно взрослых, но по-

чему-то никто и не думает нам помочь, хотя Таня хромает и все еще всхлипывает. В одной руке я тащу ее ледянку: она довольно большая, но легкая, пластмассовая, ярко-зеленого цвета с загнутыми краями – похожая на огромный лист какого-то тропического растения. На другую руку и на мое плечо опирается Таня. Мне кажется, что это продолжается вечно.

Была когда-то у меня другая жизнь: я жил с родителями, дома, читал книги, думал, играл на скрипке. А теперь началась новая жизнь, она продолжается уже очень долго, гораздо дольше первой. Ту жизнь я уже почти не помню. Мы идем с Таней, она опирается на мое плечо. Идем-идем-идем. Придем ли мы когда-нибудь куда-нибудь? Я не уверен. Может быть, это уже навсегда? Может, это будет продолжаться вечно?

Это было одновременно мучительно и радостно. Голова кружилась от счастья, но в то же время ужасно хотелось, чтобы это поскорее кончилось. Больше всего я боялся, что не выдержу, устану: Таня была крупнее меня, тяжелая-тяжелая. Я ужасно боялся, что она заметит, как мне тяжело.

Да, это продолжалось бесконечно. Гора – полкилометра. Вверх. Потом еще перейти улицу. Дойти до ее дома. Она все не выпускала мою руку. Наконец, вот и подъезд. Тут она меня отпустила, взяла свою ледянку и пошла было. Уже почти не хромая. Но потом все-таки спохватилась и, полуобернувшись, буркнула что-то вроде «спасибо».

И только когда она ушла, пропала в темноте подъезда, я

почувствовал себя по-настоящему счастливым. Я спас свою Дульсинею! Ну, пусть не спас, пусть только помог. Полкилометра вверх – а я нисколько не устал (на самом деле – еле дышал)! Я держал ее за руку, наверно, целых полчаса или даже час! И она мне благодарна, она сказала мне «спасибо»!

В общем, это был один из самых счастливых дней моего детства.

В первом и втором классе у нас была хорошая добрая учительница – Анна Матвеевна. Я ее плохо помню; помню только, что она нас часто водила во двор и мы там всласть играли в разные игры: в выбивалы, в штандер, в казаки-разбойники. Она была вся мягкая и теплая – так мне теперь представляется. Хотя при этом ее все слушались.

Потом Анна Матвеевна куда-то делась. Почему-то до сих пор так и не знаю, что с ней стало. И в третьем классе нас взяла Галина Ивановна. Ее с первого же дня все возненавидели. А больше всех – Таня.

У Галины Ивановны был еще класс, тоже третий. Нас она взяла «в нагрузку», во вторую смену, потому что не хватало учителей. Потом, через много лет, я узнал, что Галина Ивановна – знаменитая учительница: заслуженная-перезаслуженная. Помню, к нам на уроки постоянно ходили какие-то взрослые тетки, а иногда и дядьки. Они тихо сидели за задними партами и что-то непрерывно записывали в толстые клеенчатые тетради. Все они как на подбор были важ-

ные-важные, как индюки, и такие же надутые.

И Галина Ивановна тоже очень важная. Она уже была пожилая, седая. Ее высокая прическа в виде копны сена почему-то казалась мне ненастоящей, искусственно приставленной к голове. А может, это так и было: может, это был шиньон? Только я тогда еще не знал этого слова.

Галина Ивановна очень маленькая и очень полная, как шар. Руки и ноги у нее будто надутые воздухом. Двигается не торопясь, медленно. Говорит тоже очень медленно, четко отделяя слова. Очень внятно говорит – но почему-то от ее слов очень скучно и начинает болеть голова. Лицо у нее тоже словно воздухом надутое, как у резиновой куклы; рот большой с углами, опущенными далеко вниз. Глаза какие-то пластмассовые.

Между собой мы ее звали «Жамбончик». Действительно, она похожа на толстую флегматичную жабу.

Галина Ивановна очень вежливая. Она никогда не кричит, никогда не повышает голоса, не нервничает. Всех учеников называет уменьшительными именами и «деточками»: «Машенька Слонова, сходи за мелом, деточка...». «Фимочка Коган, выйди, будь добр, из класса. Смотри на часы, деточка. Постоишь десять минут, заходи. Но от двери не отходи далеко».

Это у нее было такое наказание. Один раз она так наказала меня: а за что, я уже не помню. «Фимочка Коган» – это я. Кстати, меня даже родная мама никогда так не называла.

Больше всего в Галине Ивановне мне не нравилось именно то, что она при всех – и при Тане – зовет меня «Фимочкой» и «деточкой».

Но при такой сахарной вежливости Галину Ивановну все боялись. Мне тоже всегда становилось как-то не по себе, когда она на меня смотрела. Смотрела она странно: то ли видит тебя, то ли нет. Как манекен в магазине.

Но больше всех ее боялась Таня. Хотя мы с ней были лучшие ученики класса, она – даже лучше меня. Но все равно Галину Ивановну она ужасно боялась, всегда на ее уроках затихала, бледнела, смотрела ей преданно в глаза. А на переменах передразнивала и по всякому обзывала: «толсто-жопой», «мордоворотом» и тому подобными кличками. Если бы это не Таня говорила, я бы, конечно, заметил, что это грубо и неостроумно – но: это говорила Таня.

Она ненавидела Галину Ивановну лютой ненавистью. А мы все – не любили и побаивались, но как-то быстро о ней забывали. Нет ее рядом – и ладно. Можно поноситься, поболтать об интересном. Таня постоянно говорила и думала о Галине Ивановне. Прямо плевалась от злости. Устроить ей какую-нибудь грандиозную пакость было Таниной затаенной мечтой.

А как известно, кто ищет – тот всегда найдет.

Галина Ивановна обожала цветы. У нее был не класс – оранжерея. Везде цветы. Возле ее стола стоял в кадке здоровенный фикус. На подоконниках, шкафах – везде цветы.

Когда мы приходили в класс, всегда надо было их поливать. За каждым учеником было закреплено два-три цветка. Опоздаешь — будешь поливать после уроков, но уже не два-три, а все. На это уходил час. Хотя вода была тут же, в классе.

И вот Таня с Денисом — классным хулиганом, двоечником и очень хорошим, добрым и веселым человеком, которого все любили, кроме Галины Ивановны — как-то на перемене носились по классу. Денис маленький, черненький такой, как жучок. Я сидел и читал книжку: кажется, Жюль Верн. Я очень умный и в третьем классе уже читал Жюль Верн.

И вдруг — грохот. Я сначала подумал: в наш класс выстрелили из пушки. Но оказалось, это просто с подоконника свалился горшок с цветком. И разбился. И земля вся высыпалась.

Таня сначала будто онемела. Застыла. Села за парту, закрылась книжкой. И затравленно смотрит на дверь. Я ее хорошо понимал. Сейчас зайдет Галина Ивановна... И ведь не скроешь — при всех было.

И вдруг она как вскочит! — схватила самый большой черепок от горшка и всю оставшуюся землю с него насыпала прямо на кресло Галины Ивановны. Галина Ивановна сидела не на стуле, а на кресле, черном, кожаном. И вот Таня ей насыпала полное кресло мокрой земли.

Наверное, она решила, что ей уже терять нечего. Села на место. Сидит, как деревянная, ни жива, ни мертва, ждет расправы.

А я подумал: можно же все убрать. Горшков много, а у учительницы зрение плохое, она в очках. Может, не заметит. Взял ведро, совок, веник, стал сгребать землю. А уже вот-вот звонок прозвенит, я страшно тороплюсь, руки дрожат.

А все, весь класс, просто смотрят – и Таня смотрит. Потом подошла одна девочка, очень толстая и медлительная, Люба ее звали: она у нас училась хуже всех, даже хуже Дениса, и Галина Ивановна всегда ее ставила «в отрицательный пример» – говорила, что она обязательно останется на второй год. И вот эта Люба стала мне помогать, затирать пол тряпкой. А сама буквально трясется от страха: вдруг сейчас Жамбончик войдет! А мы тут таким делом заняты!

Но нам повезло. Обошлось. Мы успели. Когда прозвенел звонок, мы уже сидели за партами.

Да, забыл сказать, пока мы все убрали, Таня успела сбегать к раковине и вымыть руки. Потом выяснилось, что это очень важно. Но я тогда этого обстоятельства не оценил и даже ничего не заметил.

И вот пришла Галина Ивановна. Мы все – ни живы, ни мертвы. Но хуже всех Таня. Краше в гроб кладут. Чуть дышит, глаза большие, рот раскрыла, будто задыхается. И в глазах – ужас. Денис тоже – весь белый.

И мне тоже не по себе. И за Таню беспокойно, и за себя. Ничего. Галина Ивановна поначалу ничего не заметила. Но мы-то забыли про землю, которую Таня насыпала ей

на кресло. Она села. И опять ничего. Но потом все-таки почувствовала. Земля была мокрая. Видно, ей почудилось, что она села в лужу. И она встала.

Думаете, Галина Ивановна вышла из себя? Нет. С ней такого не могло быть. Она просто надела очки и внимательно рассмотрела, что это там у нее на кресле.

Потом повернулась к нам и как будто задумалась. А мы уже чуть не под парты готовы залезть от страха.

И говорит – обычным своим голосом:

– Танюша Иванова, скажи, пожалуйста, деточка, кто это насыпал сюда землю?

Я уже говорил, что Таня была лучшая ученица класса. И больше всех боялась учительницу. Вот она прямо к ней и обратилась.

А Таня ничего и выговорить не может: встала и молчит – только рот раскрывает, как рыба на песке.

А Галина Ивановна еще подумала и догадалась – она умная, не даром заслуженная учительница:

– А откуда же у вас земля? Вы, наверное, горшок с цветком разбили?

Посмотрела: так и есть – на одном подоконнике не хватает горшка.

У Галины Ивановны голосок тоненький, как свистулька. Тут он стал совсем тоненьким:

– Кто же это разбил горшок? Танюша Иванова, ты не знаешь, деточка, кто разбил горшок?

Тут, смотрим, Таня неверными шагами направилась прямо к Галине Ивановне. Я ужасно испугался – сам не знаю, чего: не съест же она Таню в самом деле, как жаба муху! Подошла Таня к ней и что-то ей зашептала на ухо. Пошептала-пошептала и отошла, села опять на место.

А Галина Ивановна опять подумала и говорит:

– Деточки! Положите все руки на парты.

Мы положили. Она очень медленно прошла и всех осмотрела. А у нас-то с Любой руки в земле. А у Тани чистенькие: она их успела вымыть.

И опять Галина Ивановна ничего не сказала. Ведет себе урок. И мы пишем себе, пишем, и стали уже обо всем забывать. И Таня порозовела, повеселела.

Но после уроков Галина Ивановна нас с Любой оставила. Вызвала по телефону наших родителей. И что-то им там говорила.

Потом моя мама купила для нашего кабинета какой-то сверхроскошный цветок. Но самое главное – нам с Любой пришлось целый месяц каждый день поливать все цветы в классе. Любе это, по-моему, даже нравилось. А я с тех пор не выношу цветов в горшках. У меня в комнате нет ни одного цветка.

Забавно, но я – такой умный – сначала ни о чем не догадался. Но в тот самый день во дворе я увидел Таню. Она была как всегда: веселая, с улыбкой, вся розовая. Заметила меня – и вдруг нахмурилась, как будто разозлилась, и сразу резко

отвернулась. И слышу: что-то она про меня говорит своим подружкам – и те смеются.

А раньше она меня почти не замечала, но, в общем, относилась неплохо: ей нравилось, что я в нее «втюрился».

И тут меня осенило.

Очень хорошо помню все, что тогда чувствовал, будто это вот сейчас все случилось. Сначала мне стало очень больно.

Кстати, это не была догадка. Я не думал: «А, да это же она наябедничала Жамбончику, что у кого руки грязные, тот и насыпал землю на кресло и разбил цветок». Я почему-то вдруг *узнал*, что это именно она сделала. Без всяких сомнений. Как будто какой-то голос с неба мне сообщил. И я до сих пор не сомневаюсь: так и было. Хотя доказательств нет никаких.

И мне стало больно. И в то же время я был очень удивлен. Таня этого сделать не могла. Значит, это уже не Таня? Я ничего не мог понять. Было очень грустно и как-то пусто на душе.

А Таня с тех пор меня возненавидела – почти как Галину Ивановну. А с Галиной Ивановной они очень подружились. Таня стала ее правой рукой. Ей давались самые ответственные поручения. Когда что-то случалось, Галина Ивановна всегда обращалась к Тане. Но в классе Таня стала сама по себе, а мы все – сами по себе. Денис больше за ней не бегал, никто с ней не играл.

Сначала мне было ее жалко. Потом все это стало забываться.

ся, уходить в прошлое. Мы закончили третий класс. А в четвертом нас рассадили по разным классам.

С тех пор прошло много лет. Таня и я заканчиваем школу. Она все эти годы хорошо училась, шла на медаль. Я нет.

Однажды, не помню, когда это было, кто-то из наших гостей увидел в окно Таню и восхитился:

– Какая красивенькая девочка! Настоящая Дюймовочка!

Почему-то я это запомнил. Она действительно похожа на Дюймовочку: такая легкая и светлая.

А потом мне пришло в голову, что Таня не Дюймовочка. Она – Дерьмовочка. Но я о своей догадке никому не сообщил.

Иногда я, как прежде, вижу Таню в нашем дворе. Она стала взрослой красивой девушкой. Волосы у нее уже не такие светлые, как раньше: теперь они золотистые – как спелая рожь. Но она по-прежнему всегда улыбается.

Вот только меня это уже совсем не трогает. Я вижу ее – и ничего не чувствую. Мне уже давно не больно.

Хорошо ли это? Не знаю.

Дюймовочка превратилась в Дерьмовочку.

Красивая девочка Таня навсегда ушла из моей жизни, ушла так далеко, в такую дальнюю страну, откуда уже невозможно вернуться назад.

«Happy birthday, блин, to you!»

Володя проснулся с ощущением чего-то очень хорошего, яркого и светлого. И не мог со сна вспомнить, что же – чему он рад... Да, ведь завтра его день рождения!

Но радость была сегодняшняя. Этот предпраздничный день грел душу больше завтрашнего: что там еще будет, неизвестно, – кто придет, кто нет, и как там все получится – а сегодня предстоял хороший день. Предвкушать удовольствие иногда приятнее, чем испытывать его. И даже хочется: пусть растянется ожидание, наполненное давно обдуманнами делами и мечтами.

Умывшись, Володя раскрыл старую спортивную сумку, достал со дна, из-под вещей, драный черный кожаный бумажник. Это и было первое приятное дело. В бумажнике копились деньги на день рождения.

Володя вырос без отца, с матерью и младшей сестричкой, в маленьком городке. И так уж повелось, что по-настоящему, с гостями, праздновались только сестренкины именины; его всегда поздравляла одна мама. А он и родился-то 26 июня: день совсем неподходящий для такого дела – занятия в школе кончились, кто на даче, кто уехал далеко – некого пригласить.

Теперь он учился в Москве, в университете: шла сессия, знакомых было много. Очень хотелось первый раз в жизни

отметить этот день по-настоящему.

Володя выпотрошил пухлый растерзанный бумажник, вывалил деньги на стол. Стол был маленький, кухонный, с розовым пластиковым верхом. Еще в комнатке был стул, старая пружинная кровать, над столом полочка. Одежда – в стенном шкафу.

Комнатешка – 7,5 квадратных метра. Володя – плечистый парень под 190 см. ростом – выглядел в ней странно: «как улитка в своем домике» – так Настя говорила. Стоило это жилье 3 тыс. рублей в месяц.

Володя содержал себя сам. Работал вышибалой в ночном заведении, но приходилось не спать и обязанности неприятные – к тому же он не угодил хозяину: того томила мечта об охраннике с внешностью гориллы и волчьим нравом – Володя же внешне годился, но был деликатен, мягковат.

Потом он освоил клавиатуру с латинским шрифтом и стал подрабатывать в бюро технического перевода.

Капиталов набралось достаточно, почти 4 тысячи. Он задумался, что купит, кого пригласит. Хотелось – немногих, самых-самых – отборных!

Втайне он мечтал об этом дне с детства. Никогда никто ему ничего не дарил: мать покупала только нужные вещи. Никогда никто не приходил – именно к нему. Он был «фи-лей» – филином: любил лес, рыбалку, одиночество, книги. Но хотелось еще и другого: чтобы вокруг были красивые веселые умные лица, девушки, – почувствовать себя равным

среди них, насыщаться радостью, смелостью, взять у них уверенности, силы.

Пожалуй, это было с детства его самое сильное желание. Потому что уверенности-то, жизнерадостности ему как раз не хватало.

Его девушка, Настя, как-то сказала:

Видишь, есть такие люди: они плывут по жизни так легко, широкими взмахами и ничего не боятся – а ты... чуть что – буль-буль – и ушел на дно, сидишь там с раками – потом соберешься с духом, выскочишь – ух, как страшно! – и опять на глубину!

Володя тогда очень обиделся на эти слова, но знал: что правда – то правда. И ему очень хотелось в себе это сломать, стать другим.

Он пошел к хозяйке, звонить. Поздоровался, похвастался:

Тетя Рая, а у меня завтра день рожденья. Можно гостей пригласить?

Хозяйка только что встала, была непричесанная, в мятом халатике. Маленькая, Володе по пояс, полная, с хитреньким лицом. Она работала в университете гардеробщицей и уборщицей, получала хорошую пенсию и еще комнату сдавала – двум студенткам, но Володя один вызвался платить столько же. Была жадновата, но к жильцу относилась хорошо, ценила его: тихий, все больше дома сидит, не пьет, не курит, девушек не водит, безотказен, все умеет, шкафы двигает, как перышки, и собаку заводить не надо – с таким никто не за-

лезет, не ограбит.

Поэтому она улыbnулась умильно, поздравила:

Ну, с рождением... Так чего: хочешь в моей комнате сделать?

В общем-то, да... у меня тесновато...

Ну, давай, давай: я к подруге пойду, попроведаю... Сколько ж тебе стукнуло?

Двадцать лет, тетя Рая.

О-о, прям-таки юбилей! Может, адрес поднесут? – она была насмешница.

Боюсь, что нет... Я позвоню от вас?

Звони, звони, я на кухню...

Володя присел на корточки у высокого трюмо, где среди сломанных фенов, пустых флаконов, грязных щеток, дражных косметичек и прочего добра стоял старый белый телефонный аппарат. Хозяйкина комната была странная: с роскошным ковром, хрусталем, дорогушим телевизором, но без единого стула. Она все жаловалась: сесть негде – но стульев не покупала.

Володя набрал телефон Лены Горюхиной – девушки с неподходящей фамилией: более бойкой, жизнерадостной девчонки и представить себе нельзя. Высокая, красивая, соблазнительная, умненькая и то, что называется – без комплексов. Ее особый дар – влиять на людей, если ей это почему-либо выгодно. Володя любил ездить с ней в троллейбусе: платить не надо. Подойдет контролер – она бросит, не глядя:

«У нас проездные!» – и такой у нее вид и так она это умела сказать, что осечки не случилось ни разу – контролер безропотно проходил мимо.

Володя услышал в трубке знакомый кокетливый заспанный голосок и улыбнулся – на часах-то уже десять с лишним.

Ленка, привет. Спишь?

Ой, Гномик, это ты (Гномик – Володино прозвище: он самый высокий студент на курсе)? Я тебя в понедельник поцелую – в щечку: за то, что разбудил. Спасибо тебе, любчик! А то я проснуться никак не могу, дрыхну до часу – представляешь?

А почему только в понедельник?

Как? Ты не дождешься? Ах ты, мой хороший!

Ленка, ты не помнишь ничего?

А что я должна помнить, солнышко?

У меня день рожденья завтра. Я тебя приглашал.

О-о, извини... Володик, а ты не обидишься, если я не приду?

Да нет, не обижусь... А что?

Понимаешь, Костя купил билеты на мюзикл – называется «Жар тела по-американски». Представляешь? Говорят, там такие красивые танцовщики... Я ужасно легкомысленная, да?

Да.

Ну, не сердись на меня, мой маленький... Я тебя поцелую десять раз – в понедельник. Ладно?

Иди к черту.

Володя положил трубку. Он не очень огорчился и совсем не обиделся: на нее вообще невозможно было сердиться – все равно, о чем с ней ни говори, ощущение такое, будто нарзанную ванну принял – что-то такое легкое, бодрое, свежее.

Он полистал записную книжку, нашел телефон Наташи Ульяновой – старушки: ей 28 лет, замужем, есть ребенок – для сокурсников она вроде мамки.

Наташа, привет, это Володя. Ну что, придешь завтра?

Володя, мне ужасно стыдно, но у меня проблемы: даже не хочется тебе говорить. Муж запил. Он только что пришел, оставить его одного завтра – значит сильно рисковать: найдешь его потом где-нибудь в вытрезвителе... Понимаешь,

мне перед тобой страшно неудобно...

Да ну, что ты... А где работает твой муж?

Смешно сказать... В милиции! Потому и пьет.

Как так?

Да так. Он у меня добрый. А там приходится людям руки заламывать и тому подобное – он выдержать не может: заливает водкой. Ну ладно, это наши проблемы. Хорошего тебе праздника! Извини еще раз...

Володя звонил долго: хозяйка несколько раз заходила, смотрела на него, снова выходила.

Напоследок он позвонил Гоше, самому веселому парню на курсе, хулигану, ернику, невероятно обаятельному и одному из способнейших студентов курса:

Гошка, ты? Придешь завтра – с какой-нибудь девчонкой?

Слушай, я бы умер – но пришел. Да понимаешь, какая история... Был вчера в библиотеке! Взял книжку – «Сопро-
тивление материалов». Слушай – какая потрясающая вещь!
Иду, читаю, блин, на ходу – ни хера не вижу, на девок наты-
каюсь... Увлекательно, блин!

И представь, упал с лестницы, разбил ногу – ходить не мо-
гу... Ешкин поц!

Не пойму, ты на сто процентов врешь – или только на де-
вяносто девять...

Да ну, ты че!.. На двести двадцать процентов!.. В общем,
я, конечно, свинья – но завтра придти не могу. Прости! Так
что – хэппи бездэй, блин, ту ю – и всего тебе хорошего!

Володя вернулся к себе, сел за стол. За окном – оно бы-
ло большое, во всю стену, как витрина –плыли высокие
пышные кучерявые, как белые овцы, облака; светило солнце.
И погода, как назло, прекрасная.

Володя сидел долго. Ему было очень грустно, как-то пусто
стало на сердце. Ведь столько мечтал об этом дне.

Правда, есть еще Настя. Но ей не хотелось и звонить –
вдруг она тоже...

Его потянуло на улицу, чтобы вокруг были живые лица,
голоса – одному стало невозможно. Можно бы пойти купить
что-нибудь: вдруг Настя все-таки придет. Он взял бумажник,
ключи и вышел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.